

Макондо

Н. Зименков

Никита Александрович Зименков

Макондо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68747235

SelfPub; 2023

Аннотация

Цикл стихотворений по мотивам романа Г.Г. Маркеса "Сто лет одиночества".

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	13
8	14
9	16
10	17
11	18
12	19
13	21
14	22
15	23
16	24
17	25
18	26
19	27
20	29
21	30
22	31
23	32

24	33
25	35
26	36
27	37
28	39
29	40
30	42
31	44

Никита Зименков

Макондо

1

Стоя у стены в ожидании расстрела, я вспоминал...

Как впервые оказался в Макондо
и остался в нем навсегда.

Как решил поиграть в слова,
складывая из них предложения,
напоминая Полковника Аурелиано,
который изготавливал золотых рыбок.

Я вспоминал,
как подписал честный союз с одиночеством,
а затем сидел утром у окна,
пил крепкий кофе,
ожидая,
когда в предрассветных сумерках
понесут мимо гроб с моим телом.

«Главное, не упустить момент
и вовремя забраться в ящик», – думал я.

Наивный.

2

Однажды я заключил,
что если ровно в пять утра,
каждый божий день,
хватать с неба слова,
то задуманное можно осуществить за месяц.

Хотя, спешить все равно было некуда,
потому что слова –
это погребальный саван,
который шьет Амаранта,
то распуская,
то заплетая ткань.

Но дело вовсе не в страхе смерти
(женщина в синем платье мила и приятна).

Причина в том, что домотканый саван стихотворения
сохраняет одиночество внутреннего мира,
не позволяя миру внешнему овладеть тобой.

3

Когда Аурелиано Второй приехал за мной в Россию,
медленно и не торопясь,
обивая ботинки о пороги домов,
по улицам городов шел снег.

Аурелиано решил остаться до тех пор,
пока путник не пройдет мимо.
Но снег потерялся и искал выход
четыре года,
одиннадцать месяцев
и два дня.

От его шагов на многие метры промерзла земля
и когда Аурелиано спустя годы спрашивал жителей,
как им удалось выжить,
они загадочно улыбались и отвечали:
«Мы скользили».

4

Нагулявшись по мрачному миру скорби,
перестать выходить
(совершать одну и ту же ошибку)
из алхимической лаборатории Хосе Аркадио.

Впредь заниматься важным:

1. Путешествовать по мирам,
оставаясь в кабинете.
2. Наблюдать движение звезд,
не поднимая головы.
3. В очередной раз доказать,
что Земля наша круглая.
4. Отыскать философский камень –
в своих почках.

И пускай тебя привяжут к каштану,
призрак Пруденсио Агиляра поможет
убить время.

5

Тихая жизнь

– перелистывать в комнате Мелькиадеса ветхие свитки.

Обнаружить, что время навечно застыло:

в твоей камерке всегда март и понедельник.

Тихая смерть

– плавить и отливать золотых рыбок.

Пойти к каштану и не вернуться обратно, или

заблудиться в бесконечных лабиринтах сна.

Тихая мечта

– наблюдать, как снег за окном

стирает любые границы, пространства и лица,

как поток неукрощенного времени

впечатывает в землю забвение.

6

Если открыть окна твоего дома, Ребекка, то всегда:
на восходе и на закате, в сиянии солнца и луны,
можно различить кладбище.

Место покоя:

Мелькиадеса, Пьетро Креспи, Хосе Аркадио, Хосе Арка-
дио-сына,
а еще сотен и тысяч неизвестных имен.

Прах от их костей и имен оседает на стенах твоего дома,
Ребекка.

Запах пороха царит в нем, звук «клок-клок» раздается в
нем,
минувшее навек поселилось в нем.

Но смерть больше не пугает, она смиряет.

Если открыть окна всеобщего дома, Ребекка, то всегда:
в предзакатной дымке и предзакатной мгле,
в блеске первых лучей и вспышках последних звезд,
можно различить кладбище.

Место покая:

Мелькиадеса, Пьетро Креспи, Хосе Аркадио, Хосе Аркадио-сына,
а еще... тебя и меня.

7

Намазывать время на хлеб одиноких будней,
расшифровывать свитки Мелькиадеса,
говорить с его призраком и душами тех,
кто умер и бродит по дому –
каждый остался таким же, каким и был...

Научиться распознавать сквозь толщу протертых страниц
свое прошлое и будущее,
которые суть мгновения вечно-настоящего.

8

Сменилось много лун,
после моего приезда в Макондо,
где уже точно никто не помнил,
проиграл Полковник
или выиграл тридцать два восстания.

Но одно дело забвение
и совершенно другое –
отсутствие
исторического
события,
которое, как кинокадр,
изымают при монтаже памяти.

И когда каждый начинает говорить,
что войны не было,
а народ не расстреливали на площади,
история приказывает долго жить.

Но факт остается фактом:
Хосе Аркадио Второй ехал в поезде,
в котором было двести вагонов,

и лежала на трупах,
которых было
три тысячи
четыреста
восемь.

9

Когда по городу бродила бессонница,
размахивая своей колотушкой,
настроение жителей оставалось приподнятым.

Они грезили наяву, видели мечты друг друга,
хоть память и ускользала от них.

Какое-то время помогали слова –
означающее без означаемого,
но их часто сдувало ветром.

Впрочем, оно было к лучшему,
накопилось много лишних, ненужных знаков.

Но когда в город пришел брат-близнец бессонницы –
сон.

Макондо, вслед за его сестрой,
покинуло не только прошлое,
но еще настоящее и будущее.

10

Реки крови убитых сыновей,
прячась от пограничников,
текли в дома матерей.

Те медленно шли по следу,
находили детей,
возвращали к родному очагу.

Мертвые не отвечали,
все больше молчали,
не открывали глаза.

Но запах пороха от их тел,
витавший над Макондо долгие годы,
говорил все сам за себя.

11

Бога было не найти и не обнаружить,
хоть целыми днями торчи в лаборатории
и занимайся дагерротипией.

От Бога остался только крест,
нарисованный пеплом на семнадцать лбах,
семнадцать сыновей Полковника Аурелиано
(крест, в который так удачно вонзались пули).

Бога было не найти и не обнаружить.
И даже Ремедиос Прекрасная
отправилась на небеса только из-за того,
что там немного прохладнее.

12

Изменение казалось невозможным,
потому что история семьи шла по кругу.

Одинокие и нелюдимые Аурелиано
сменяли одиноких и нелюдимых Аурелиано,
а «корабли» трагически обреченных Хосе
раз за разом разбивались о скалы.

И не было поблизости гавани...

Одинаковые имена,
одинаковые слова,
одни и те же шаги
по каменистым дорогам скорби.

Все это могло продолжаться вечно.
Но говорят, что колесо истории крутится до тех пор,
пока не износится ось.

Обычно ее хватает на сто лет,
затем балка трескается,
а колесо остается лежать на земле.

Вот только любой, проходящий мимо путник,
может поменять ось и приладить колеса.

После чего «телега жизни» покатится с прежней скоростью
и неудачей на будущее.

13

И не найти ничего,
кроме усталости,
примерно к тридцати годам.
Безмолвно наблюдать, как в окно
то снежной,
то распускающейся,
то зеленеющей,
то увядающей
веткой стучится природа.

Остановить внутри себя войну
(победителей и побежденных нет,
потому что все были убиты)
и вместе с Полковником наблюдать,
как идет снег,
шумит дождь,
гудит ветер,
как прощаются перелетные птицы.

Наконец, открыть преимущества простой жизни
и ждать... без страха и упрека – ждать.

14

Прежде, чем рак вонзиться в горло своими клешнями
(или случится любая другая напасть),
вам нужно подружиться с Аурелиано Вторым.

Чтобы:

разгуливать с ним по городу,
слушать мелодии Франциско Человека
(в его исполнении),
перебираться от жены к любовнице и обратно,
поучаствовать в соревнованиях по обжорству.

Наконец, вполне осознать, что жизнь коротка
и мы ничем не лучше коров,
которых мой друг призывал «Плодиться и наслаждаться».

15

Разучиться читать и писать,
перестать пользоваться столовыми приборами,
отвергнуть условности в виде:
штанов,
кожаного ремешка,
рубашки с воротничком
и прочее.

Носить накидку из холста и максимум сандалии.

Увидеть мир таким, каков он есть,
прослыть Диогеном,
попасть в клинику,
встретиться с доктором Рагиным.

После чего, утащив миску с гороховым супом,
возвратиться на небо...

По воскресеньям читать письма от заведующего,
который просит вернуть посуду.

16

Оказалось,
что с невидимыми целителями было связаться проще
(их небесный Instagram знала Фернанда),
чем записаться в поликлинику.

Выяснилось,
что провести телепатическую операцию
гораздо быстрее, нежели глотать пилюли,
которые прописывали всем и от всех болезней.

Вот только одна незадача:
проконсультировать целители – проконсультировали,
прооперировать – прооперировали,
но это не отменяло главного – моей смерти.

Прийти на вокзал в субботу,
промоглой осенью или весной,
чтобы взять билет на поезд,
не имеющий станции назначения.

Сидя в купе, вырывать страницы из дневника памяти
и выбрасывать их пространство, мелькающее за окном.

Дороги обратно нет, твой поезд едет все дальше,
но страницы дневника,
каждое мгновение готовые кончиться,
все не кончаются.

Искать место,
где можно было бы жить.
Искать новые границы возможного.
Покинуть утром город,
найти новый.
Покинуть его утром,
вернуться в прежний...

Исследовать остров
на котором живешь.

Искать золотые дублоны,
37-ю драматическую ситуацию,
отправиться в морское путешествие.

Проснувшись ночью, осознать, что
7214 дублонов лежали под кроватью,
37-я ситуация валялась под подушкой,
а морское путешествие тебе приснилось.

Перестать покидать свой остров!

Этот город мог пережить многое:
причуды Хосе Аркадио,
нашествия цыган,
войну.

Его жители могли понять многое:
сумасшествие Хосе Аркадио,
полеты цыган,
крах войны.

Они могли принять разное:
фабрику льда,
железную дорогу,
банановую компанию.

Но как только в Макондо
провели телефон,
показали жителям граммофон,
обучили смотреть кино,
реальность, выброшенная в окно,
треснула, как скорлупа у яйца.

И единственное, что оставалось,
сидеть на улице Турков и ожидать конца.

Время испортилось, безнадежно испортилось.
И оставалось теперь только одно –
горевать вместе с призраком Хосе Аркадио
об ушедшей мечте,
упущенных возможностях,
утраченном времени.

И больше никуда не идти!
Ибо нет той дороги, что ведет обратно,
нет той тропинки, что бежит вперед.

21

Все исчезло...

Ураган стер с лица земли
миндальные деревья Хосе Аркадио,
выкрашенный в белое дом Урсулы,
корабль и желтый поезд их потомков.

Не осталось каштана, под которым сидел Хосе,
не найти леденцов, которые продавала Урсула.

Никто

никогда

ничего

не узнает о том, что происходило в Макондо.

Жизнь и смерть оказались напрасны:

Бог не подводил итогов, не проверял домашнее задание.

Дом – это его хозяин, а хозяин – это его дом.
Дорога судьбы ведет из дома,
но всегда возвращается обратно.

Однако теперь у нас нет дома.
После минувшего урагана
даже всеильная Урсула
не восстановит его стен.

Призракам наших предков больше негде бродить по ночам.

Никто не услышит их шепота памяти,
исчезнувшего навеки с домом,
чьи стены не покрыть теперь белой краской,
чьи окна и двери не открыть, не закрыть.

Оглядываясь назад,
можно увидеть, что время дождя нашей юности
было мимолетным, но прекрасным.

Можно припомнить,
что тот дождь закончился в пятницу,
в два часа пополудни,
когда одинокий странник
постучал в дверь нашего дома
и громким голосом сказал:
"Хватит!"

Он ушел до поры до времени,
а дождь больше не повторялся.

Отныне только воспоминания,
каждую пятницу, в два часа пополудни,
обдают прежней прохладой
и мы вновь можем шлепать по лужам нашей души.

Когда Аурелиано Второй читал детям книгу вымышленных существ,
я всегда садился рядом,
наслаждаясь его тихим и поскрипывающим от болезни голосом.

Я живо представлял себе:

Абту и Анет,
Ахерона,
Банши,
Гарпий,
Джинов,
Ламий,
Лемуров,
Норн,
Сирен,
Птицу Рух
и много кого еще.

Лишь позднее мне удалось узнать,
что все эти они были не вымышленными,

а реальными.

Я написал книгу невымышленных существ и однажды, когда Аурелиано Вавилонья листал ее в своей мастерской, я услышал, как он сказал:

"Так я и думал".

Я боюсь,
что проклятые желтые бабочки,
которых я видел всегда,
когда был с тобой рядом,
не оставят меня никогда.

И даже в старости,
прикованный к постели,
я буду вспоминать,
как мы целовались в кино
и то,
как я тайно пробирался к тебе в комнату.

Похоже, что мои впечатления,
рождавшие твоих желтых бабочек,
были самым прекрасным образом прошлого.

Останьтесь,
проклятые
желтые
бабочки!

В разгар нашей осени,
разделить одиночество любви друг к другу.
Затворить двери и окна дома,
ходить по нему голыми,
чтобы не тратить время.

Сидеть в безмолвии,
держаться за руки,
ждать первенца
в маленьком тихом раю.

Вполне увериться в том,
что вдвоем всегда будем счастливы:
в жизни этой и после смерти.

Вернуться домой:
спрятать в чулане винтовку,
сжечь прошлое,
заключенное в вещах погибшей возлюбленной.
Выбросить солдатские сапоги.

Подолгу работать, работать, работать,
постепенно забывая былое.

Но однажды, плюнув на все,
купить солдатские сапоги,
достать винтовку,
позвать друга,
чтобы пойти в новый бой...

Как вдруг, оступившись на пороге,
повалиться в придорожную пыль,
осознав, что главное сражение ты уже проиграл.

Вернуться домой:
спрятать в чулане винтовку,
сжечь прошлое,

заключенное в вещах новой возлюбленной.
Выбросить солдатские сапоги.

Нужно иметь огромное мужество,
чтобы закончить войну,
которую проще начать, чем остановить.

Нужно иметь достоинство,
чтобы отказаться от пенсии,
не мучась до смерти, ожидая ее.

Нужно иметь силы,
чтобы стрелять в свое сердце,
а не в противника.

И нужно иметь честь,
решив умереть от усталости,
забытым и нищим,
среди золотых рыбок.

В груди так сильно болело,
что я попросил врача обвести йодом то место,
где точно находится сердце.

Каждую ночь, перед сном,
я проводил по рыжему кругу пальцем,
купил кинжал... примерялся...

Но все, чего мне удалось добиться –
это еще нескольких шрамов.

Я подумал, что стоит купить пистолет
и выстрелить в рот (или род?),
но это ничего бы не изменило.

Тогда я стал переплавлять опыт
одиноких будней,
проигранных сражений,
несостоявшейся любви
в буквы и звуки.

Теперь мне легче.

Заканчивая последний лист пергамента,
я думаю только о том,
как заварю крепкий кофе
и пойду к каштану, чтобы помочиться.

Расклад карт Пилары Тернер
мне не понравился сразу.
Тогда тканью из черного крепа
я завязал глаза,
сел в угол,
чтобы не утащили ни мертвые, ни живые.

Шли годы...
искали меня,
который сидел не шелохнувшись.

Вытащив из-под кровати
последний фамильный горшок -
семьдесят второй по счету,
я понял, что вот он предел -
пространства.

Отбросив повязку и открыв дверь,
я вышел из комнаты.
Годы навалились все разом,
скрутили руки,
повели к стене,

где Время начищало винтовку,
готовясь к расстрелу.

Первый в роду пергамент купит, последний в роду напишет стихи.

Стоя у стены в ожидании расстрела,
перелистав минувшее,
которое казалось объемным и увесистым,
но уместилось на нескольких страницах,
я увидел оранжевые диски на небе.
Последнюю в жизни зарю.

Появился Мелькиадес, Полковник, Аурелиано Второй –
друзья моей призрачной юности
и я понял, что пергамент дописан.

Время взвело курок, прогремели выстрелы
и все, наконец, было кончено.

Одна лишь история, наша история,
останется в мире навечно.

Она будет лежать в сундуках памяти до тех пор,
пока кто-нибудь не споткнется о них и не откроет.

Ибо родам человеческим,
обреченным на века одиночества,
суждено повторяться
...и повторяться.

Могилу накрыли плитой,
без имени,
без даты,
все равно внутри никого не было
(гроб, напоминавший корзинку, был пуст).

Кто-то поставил лампаду,
говорил, что мы еще встретимся.
Дети ели мороженное,
играли на клавикордах,
танцевали Кумбию.

А где-то,
теперь непременно на юге,
родился малыш,
широко раскрыв глаза,
от удивления
...и восторга.